

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ В XVI–XVII вв.: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается проблема присоединения Сибирского ханства и других государственно-потестарных аборигенов Западной Сибири к Русскому государству в контексте существовавших во второй половине XVI в. торгово-экономических отношений между русскими, европейскими и среднеазиатскими промышленниками и их правительствами. Анализируется структура пушного экспорта из Западной Сибири. Делается вывод о том, что именно повышенный спрос на пушнину и боязнь правительства Ивана IV потерять контроль за территорией ее добычи вынуждают последнего начать бурную военную экспансию против Кучумова царства. А политика Бухары, заинтересованной в прямых торгово-экономических сношениях с рынками Русского государства и Европы, делает утрату самостоятельности Сибирского ханства неизбежной.

Ключевые слова: торговля; Сибирь; пушнина; внешняя политика.

Один из центральных вопросов присоединения Западной Сибири (и в целом Зауралья) к Русскому государству заключается в выяснении причин, побудивших московских правителей начать именно в известное время бурную экспансию «за Камень». Этот вопрос остается, по существу, системно не раскрытым в работах отечественных историков. Проблема усугубляется еще и тем, что ни власть, ни Церковь в исследуемый период так и не дали никакого объяснения, зачем осуществлялось присоединение Сибири, кроме абстрактной «борьбы с нечестивыми» [1. С. 41]. Но и эта трактовка появилась уже после вхождения Сибири в состав Московского государства.

Как правило, причины присоединения Западной Сибири к Русскому государству характеризуются разрозненно и не являются центральными проблемами научных работ. Значительно большее внимание уделяется при этом традиционным вопросам – например, характеру присоединения (завоевание или мирная колонизация) или даже происхождению названия «Сибирь».

Подспудно этот вопрос поднимался еще в работах дореволюционных авторов, и основной тон дискуссий здесь определялся вопросом о значении пушного промысла в «государственных делах» Московского правительства в Сибири. Так, В.К. Андриевич утверждал, что «изведение зверей служило поводом к захвату новых земель и гнало промышленников все дальше и дальше на восток» [2. С. 165], а П.Н. Буцинский настаивал, что «помимо промышленных интересов ими руководили необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания» [3. С. 60].

В ранней советской историографии продвижение русских в Сибирь вполне ожидаемо обосновывалось потребностями «хищнической лапы торгового капитала», в результате чего жители Сибири «не имели другого выхода, кроме смерти или нищеты и порабощения завоевателями» [4. С. 72–73]. Хотя как таковые причины экспансии Русского государства в Сибирь не раскрываются, однако все свойства названной «хищнической лапы» характеризуются вполне полноценно – здесь и эксплуатация местного населения, и вывоз пушнины, и формирование системы сбора ясака. Однако об этом говорится не как о причинах, а как о последствиях продвижения русских «служилых людей» в Западную Сибирь.

В работах современных авторов причины присоединения Сибири к Русскому государству упоминаются редко. Например, указывается, что «причинами, обусловившими в XVI–XVII вв. продвижение русских на восток, являлись: ликвидация военной угрозы со стороны Сибирского ханства, добыча пушнины, поиск новых торговых путей и партнеров, занятие территорий, имевших экономический потенциал (сельскохозяйственные угодья, полезные ископаемые), увеличение числа подданных-налогоплательщиков, стремление части русского населения избежать усиления крепостничества и фискального гнета в Европейской России» [1. С. 21]. Высказывается и точка зрения, восходящая истоками к работам евразийцев и находящая отклик у ряда западных исследователей, прежде всего Р. Пайпса, о том, что «первые московские цари ощущали себя правопреемниками монгольских ханов» [5. С. 123], а потому рассматривали присоединение Сибирского ханства как логичное восстановление своих владений в прежних границах. Однако названные аспекты проблемы не объясняют, почему экспансия Русского государства в Сибирь началась именно в начале 80-х гг. XVI в.

Для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, необходимо проанализировать роль Западной Сибири в существовавших во второй половине XVI в. внешнеэкономических отношениях между европейскими странами (в том числе складывающимся Русским государством) и Центральной Азией. Известно, что территория вплоть до впадения Тобола в Иртыш (где неподалеку располагался город Искер – столица Сибирского ханства) имела транзитное значение во взаимодействиях Средней Азии с государствами Поволжья (Волжская Булгария, а затем Золотая Орда и отколовшиеся от нее позднее государства: Казанское и Астраханское ханства). Путь из Средней Азии в Поволжье через Сибирь, известный как «камский путь», или, позже, «сибирско-камский путь», существовал, по меньшей мере, со второй половины 1 тыс. до н.э. К этому времени относят целый ряд соответствующих археологических находок, в частности серебряные сосуды эпохи Сасанидов, попадающие на берегах рек бассейна Камы [6. С. 93].

Под единым управлением «сибирско-камский путь» существовал во времена единого Монгольского государства вплоть до начала центробежных явлений, связанных с обособлением отдельных улусных владений. Но и после их выделения на территории Монгольского

государства в качестве самостоятельных государств транзитный путь через Западную Сибирь был под управлением одного государя. Например, известно, что в 1388 г. хан Белой Орды Тохтамыш распространил свою власть на Юго-Западную Сибирь. Связь Тохтамыша как носителя интересов торгового центра Хорезма с Сибирью подтверждается тем фактом, что когда он «отпал» от своего верховного сюзерена Тимура, это послужило сигналом для восстания в Ургенче [7. С. 198].

В свою очередь как субъект внешнеэкономических отношений в известной исторической ретроспективе Западная Сибирь представляла интерес для других территорий прежде всего как поставщик пушнины. Еще Марко Поло отмечал: «...туземцы этой страны ловят бесчисленное количество соболей, куниц, росомах, лисиц и других подобных зверей, мех которых высоко ценится татарами» [8. С. 153], и объяснял именно этим обстоятельством «походы татар на север». Во времена золотоордынского хана Узбека (1312–1341) его современники также отмечали привлекательность Сибири для восточного купечества как страны, «из которой вывозятся соболь да серая белка» [9. С. 42].

Именно это обстоятельство заставляло власти сопредельных государств обращать внимание на территорию Западной Сибири. Кроме «татарских» правителей, уже в XIV в., в частности, на Югру обращает внимание их вассал – московский князь Иван Калита, который добился того, чтобы новгородские бояре уступили ему право взимания дани пушниной с некоторой части населения, обитавшего по Вычегде и Печоре. А уже его преемник, князь Дмитрий Донской, «и вовсе отобрал у Новгорода его владения по Мезени и Печоре» [10. С. 5]. Продолжая эту политику, в середине XVI в. царь Иван Васильевич принимает под свое покровительство некоторых представителей остяцких и вогульских объединений, требуя в обмен в среднем по одному соболу с человека. Наконец, на тех же условиях в подданство к московскому царю принимается и сибирский князь Едигер (у которого, как известно, были на то свои основания, не относящиеся к поставленной проблеме). Кстати, уже применительно к 1557–1558 гг. Г.Ф. Миллер замечал, что такое «покровительство» в отношении сибирских аборигенов диктовалось в том числе и тем, что «в Пермской и других землях соболь уже в древние времена попадался очень редко» [11. С. 208].

Одновременно с принятием некоторых сибирских политических объединений в подданство происходило и освоение пушного рынка частными московскими промышленниками – прежде всего, конечно, Строгановыми. Они «вступали в сношения с вогульскими и остяцкими князьками и вели с ними торг, выменивая различные дешевые безделушки – вроде бисера – и металлические изделия на дорогую пушнину» [4. С. 72]. Интерес Строгановых к вроде бы непрофильному для них «пушному бизнесу» понятен. Пушной промысел в условиях феодализма имел и свои значительные преимущества перед земледелием: в основе своей он был товарным. Кроме того, пушной промысел легче было организовать, и он немедленно давал ощутимые результаты [12. С. 17]. Другими словами, быстрый возврат оборотных средств и сверхприбыль пушного про-

мысла вполне позволяли пойти на некоторые торговые риски, связанные с известной напряженностью, возникшей в отношениях между Москвой и Сибирью после воцарения на сибирском престоле хана Кучума. Однако до определенного времени Московское правительство все равно ограничивалось весьма условными отношениями вассалитета, не считая необходимым развивать собственное административное или военное присутствие на «пушных» территориях.

Ситуация меняется именно во второй половине XVI в., и эти изменения следует связать с европейской революцией в ценах на пушнину. Заметим, что до определенного времени европейцы демонстрировали стойкое безразличие к азиатским делам, которое лишь иногда прерывалось полуфантастическими рассказами путешественников [13. С. 3]. Но уже в первой половине XVI в. в Западной Европе происходят события, которые оказывают едва ли не решающее воздействие на взаимоотношения Русского государства и народов Западной Сибири, прежде всего Югры. В это время историки фиксируют резко изменившуюся мировую конъюнктуру в ценах на моржовые клыки, и особенно на «мягкую рухлядь», что вынуждало западноевропейских купцов и мореплавателей искать новые рынки закупок [14. С. 68] (Северная Америка тогда еще не была открыта европейцами). Сибирская пушнина доставлялась в Западную Европу и раньше – через Новгород, тесно связанный с европейскими государствами торговыми отношениями [4. С. 71]. Но в середине XVI в. встречаются первые сведения о том, что европейцы начинают прокладывать прямые торговые пути в Северном Ледовитом океане и достигают сибирского побережья вплоть до устья Енисея [6. С. 90]. Известно, что англичане открыли морской путь в Россию в 1553 г. [15. С. 140], а плавание по Ледовитому впервые документально зафиксировано в дневнике английского путешественника Стефана Бёрро в 1556 г. (он, в частности, побывал на острове Вайгач и Новой Земле) [6. С. 90]. Первое голландское плавание вплоть до устья Оби фиксируется в 1595 г. [15. С. 140]. При этом англичане и голландцы не только сами знакомятся с Северной Азией, но и стараются «привлечь к себе на службу людей, знакомых с морским путем в Мангазею, и вообще с Сибирью, чтобы привлечь их как проводников» [16. С. 26].

В результате внешние сношения Западной Сибири радикально преобразились буквально в течение одного-двух десятилетий. Если во времена, когда была написана книга Гербенштейна о «Московии», лучший соболь шел исключительно с Печоры, а белка из Казанской области, из Перми, Вятки, Устюга и Вологды, и лишь отчасти из Сибири [15. С. 140], то уже к концу XVI в. ярмарка сибирской пушнины действует в Лейпциге, а с 1570-х гг. практически весь объем «мягкой рухляди» из Югры и прилегающих территорий шел на экспорт.

Однако, как справедливо указывал А.П. Окладников, «развернувшиеся во второй половине XVI в. английские и голландские экспедиции в водах Северного Ледовитого океана, усиленные поиски иностранными купцами “северного пути в Индию” настораживали правительство Ивана IV, боявшегося превращения се-

верной части Азии в английскую или голландскую торговую факторию» [17. С. 25]. Тревога московского царя понятна: развернувшееся торговое освоение Сибири западными промышленниками грозило упущением из рук богатого источника пополнения казны Русского государства, изрядно опустошенной заканчивающейся Ливонской войной. При этом пушнина – едва ли не самый ценный товар того времени: стоимость седых соболей доходила до 5–20 рублей за шкурку, тогда как «прекрасная хата стоила 10 рублей, лошадь – 2 рубля» [4. С. 82]. В результате даже в 1660 г. – в период, уже позволяющий полноценно оценить сведения о внешней торговле, – из Сибири правительство получило 660 тыс. рублей, тогда как все доходы казны равнялись 1,3 млн рублей [18. С. 82].

На наш взгляд, именно это обстоятельство и побудило московское правительство начать активную экспансию в Западной Сибири, стремясь превентивно распространить свою власть на перспективные, с точки зрения добычи пушнины, регионы. Как известно, ряд народов, в частности остяков и вогулов, к этому времени (1570-е гг.) сибирский хан Кучум считал своими данниками, и это очевидно было одним из ускоряющих факторов подчинения Сибирского царства. Параллельно с закреплением русских «служилых людей» в Сибири начинается и ограничение на пользование богатствами этого края западных промышленников в обход казны московского государя. Так, уже в 1584 г. известен первый случай, когда нанятые представителем английской фактории Антоном Маршем люди купили для него «много мехов на большую сумму, но по их возвращении царские служилые люди отняли у них все товары и передали их в казну» [13. С. 158]. Уже в 1616 г. в государственных документах встречается запрет «промышленным людям всех городов» торговать и показывать дорогу «немецким людям на Енисее и в Мангазее» [3. С. 37]. А в 1619 г. морская дорога в Мангазею была окончательно запрещена, чтобы «немецкие люди от Пустозерска и от Архангельского города в Мангазею дороги не знали и в Мангазею не ездили» [19. С. 10]. Такие действия тоже понятны в русле осуществления политики государственной монополии на внешнюю торговлю пушниной: правительство попросту не могло контролировать морской транзитный коридор и в итоге в 1620 г. закрыло его для всех – в целях недопущения «сокрытия товаров от таможенных и налоговых оснований государства» [16. С. 26].

Для самой Сибири это имело известные последствия: Москва ставила перед собой цель не «цивилизовать» аборигенные народы, а оперативно создать управленческие единицы – волости (а точнее – перестроить под свои цели уже существующие податные единицы) для одной основной цели – сбора пушнины. Отсутствие политики государственного строительства в Сибири привело к тому, что даже описывая начало XVIII в. исследователи говорят о том, что «судя по актам, напечатанным за первые 12 лет прошлого века, Сибирь жила еще на прежних основаниях. ...Предоставленные сами себе сибирские завоеватели продолжали искать свободные земли» [20. С. 3]. Кроме того, аборигенные народности ощущали на себе известную политику спонтанной архаизации общественных отношений вплоть до восстановления институтов

первобытнообщинного строя [18. С. 86]. Это было следствием насаждения «пушной» специализации при свертывании иных, более прогрессивных видов хозяйственной деятельности [5. С. 215].

Собственно, той же базовой идеей – передвижением из оскудевающих пушниной территорий в другие – руководствовалось следующее поколение сибирских землепроходцев. Так, с середины XVII в. московскому правительству понадобилось наладить взаимоотношения с Китаем как с потенциальным рынком сбыта для сибирской пушнины. И это тоже имело известные внешнеэкономические объяснения: в начале XVII в. европейцы начинают осваивать богатую пушниной Северную Америку, в которой не было дополнительных посредников вроде казны московского царя. «Спрос на пушнину в Западной Европе во второй половине 17 века уменьшился в связи с широким распространением шерстяных и шелковых тканей и конкуренцией североамериканской пушнины. Поэтому русские купцы и искали новые рынки сбыта на востоке, прежде всего, в Китае», – замечает самый крупный исследователь сибирской торговли О.Н. Вилков [21. С. 88].

В целом же уровень того, что позже назовут «государственным мышлением» сибирских землепроходцев, ясно показывает случай, описанный в дореволюционном издании сборника «История Сибири». «Сын боярский» Федор Пущин в 1654 г. был направлен в командировку в Аргунь, затем спустился на Амур. В отписке в Москву он высказывается о бесполезности захвата амурских земель, потому что на них не было «достаточного количества соболей» [2. С. 166–167].

Другой аспект внешнеторговых отношений Сибирского ханства отчасти объясняет и его относительно быстрое военное поражение. Это государство было попросту «лишним звеном» в экономических связях Московского царства, которое после захвата Казани, Астрахани и признания в конце 1550-х гг. ногайскими мурзами холопства перед московским царем расширило свои владения непосредственно до Каспийского моря и границ Дешт-и-Кипчак и Бухары [22. С. 56]. К тому же для бухарских государств к концу XVI в. взаимоотношения со своими северными партнерами, выход на рынки Европы стали основной целью, поскольку сложившиеся к этому времени враждебные отношения с Ираном делали невозможным широкий товарооборот Мавераннахра в западном и южном торговых направлениях [22. С. 43]. Кто мог обеспечить этот товарооборот? Очевидно, что к концу XVI в. такой силой могло быть только Русское государство, но его враждебные взаимоотношения с сибирским ханом Кучумом существенно ограничивали транзитные возможности независимой Сибири.

Именно поэтому, когда в 1596 г. Кучум попросил у бухарского хана рати, он получил вежливый отказ. Это также объясняется экономическим расчетом: «бухарцам в результате присоединения Сибири к России открывался доступ к рынкам Европейского Зауралья» [7. С. 207]. Таким образом, в конце XVI в. в существовании независимого Сибирского ханства не были заинтересованы никто из ключевых окружающих его игроков на международной арене. И когда (уже после падения царства Кучума) торговые пути в Европу через Россию

открылись напрямую, бухарские торговцы чрезвычайно ценили полученные привилегии, так как они получили право беспошлинной торговли. Более того, при случае, понимая свое значение для Сибири уже и после ее включения в состав Русского государства, они могли устраивать «показательные акции». Так, решением царя Бориса Годунова в число «заповедных» (т.е. запрещенных для обращения) товаров были включены и лучшие сорта мягкой рухляди, в результате чего сибирские города остались без торговли (бухарцев прежде всего интересовали именно эти товары), и правительство было вынуждено отменить данное решение [21. С. 175].

Таким образом, в рассматриваемый период Западная Сибирь оказалась в поле экономических и как следствие – политических интересов ведущих государств Европы и Азии, что и предопределило судьбу независимого Сибирского ханства. Пушнина, которая могла приносить до трех тысяч процентов прибыли

промышленникам и до половины поступлений в казну московского правительства, на долгое время стала определяющим фактором русского продвижения на восток. Отчасти это объясняет и тот факт, что поход дружины Ермака против Сибирского ханства изначально финансировало не государство, а представители «крупного бизнеса» XVI в. Строгановы, которым поначалу нужно было лишь некое государственное оформление присоединенных земель.

Независимое царство Кучума во второй половине XVI в. попросту оказалось лишним в существующих между Европой, Московским государством и Средней Азией торгово-экономических отношениях (касающихся не только и не столько правительств, сколько представителей крупной международной торговли – бухарских купцов, Строгановых, европейских промышленников), что и предопределило его захват русскими «служилыми людьми» в известное время с гарантированным быстрым успехом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине 16-го – начала 20-го века. Новосибирск, 2011.
2. Андриевич В.К. История Сибири. Т. 1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. СПб., 1889.
3. Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков, 1893.
4. Карцов В.Г. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935.
5. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: Этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
6. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1.
7. Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4.
8. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2.
9. Бояришинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
10. Фадеев А.В. Россия и народы Северной Азии. М., 1965.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. 1.
12. Павлов П.И. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX в. / отв. ред. В.И. Шунков. Новосибирск, 1969.
13. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XII–XVII вв. Новосибирск, 2006.
14. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.
15. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1941. Т. 1.
17. История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / под ред. В.И. Шункова. Л., 1968.
18. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981.
19. Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М., 1952.
20. Памятники сибирской истории 18-го века. Т. 1: 1700–1713 гг. СПб., 1882.
21. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVII в. Новосибирск, 1992.
22. История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской социалистической революции / под ред. С.В. Бахрушина. Ташкент, 1947.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2013 г.